

Вернувшись в усадьбу, Цзя Чжу по обыкновению сразу направился во внешний кабинет к отцу, чтобы вкратце рассказать о сдаче экзаменов. Он держался скромно, говорил, что о месте в списках судить пока рано, но в одном уверен твёрдо: академическое испытание он выдержал, а значит, в восьмом месяце непременно примет участие в провинциальных экзаменах.

Выслушав сына, Цзя Чжэн с облегчением вздохнул. Вскоре радостная весть разнеслась по всему поместью: первый экзаменационный опыт Старшего молодого господина Чжу увенчался успехом. Домочадцы во всех покоях ликovali. Сам же Цзя Чжу, стоило лишь спастись напряжению, ощутил навалившуюся усталость — неодолимую, точно лавина. Отложив все заботы, он заперся в своих комнатах, чтобы дать себе день полной передышки.

Проснувшись на следующее утро, Цзя Чжу тотчас кликнул Лэнхэ и Инхэ. Наспех умывшись и переодевшись с их помощью, он первым делом отправился засвидетельствовать почтение отцу и матери, госпоже Ван, а после позавтракал у матушки Цзя. Сразу после этого велел Чжэн Вэню готовить экипаж, чтобы ехать в усадьбу Линей.

А в доме Линей нынче праздновали двойную радость. Едва маленькой Дайюй исполнился год, как у госпожи Цзя Минь снова обнаружилась беременность, отчего вся усадьба буквально светилась счастьем. Цзя Чжу прекрасно понимал: дитя, что должно родиться, по всем законам судьбы не проживет и трех лет. Но раз уж им удалось выходить Сююя, то почему бы не попытаться спасти и этого ребенка? Нужно лишь в подходящий момент дать Линям несколько ненавязчивых советов по уходу за младенцами. Если все получится, Сююя больше не придется сетовать на то, что их ветвь так малочисленна.

Прибыв в усадьбу, Цзя Чжу первым делом направился в кабинет главы семейства, Линь Хая. Тот встретил гостя традиционными поздравлениями с первыми успехами на ученом поприще. Вежливо поклонившись, он заметил в ответ, что уж Сююй-то на этом экзамене непременно завоюет звание лучшего. Хотя Линь Хай из скромности принялся отнекиваться, он был явно доволен этими словами. Потолковать еще немного о делах и погоде, он откланялся и пошел во внутренние покои, чтобы повидать тетюшку.

Цзя Минь сейчас почти не покидала спальни, оберегая плод. Едва Цзя Чжу переступил порог и склонился в поклоне, тетюшка тепло улыбнулась, увлекла его на кушетку рядом с собой и осыпала похвалами. Успех сына наполнил ее сердце такой материнской гордостью, что и племянника она теперь принимала с особенной, нежной теплотой.

Тетюшка ласково погладила его по руке:

— Чжу-эр, как свежо ты выглядишь! И приехал так рано. Сразу видно — здоровье у тебя крепкое. Не то что у моего Юй-эра. Кое-как сейчас добудились. Вчера вернулся бледный, без сил, и проспал до самого полудня.

Цзя Чжу почтительно улыбнулся:

— Раз так, значит, брат Юй выложился на экзамене без остатка. Не сомневаюсь, вскоре его

имя украсит верхние строчки списков!

Цзя Минь так и засияла от гордости. В этот момент нянька вынесла на руках маленькую Дайюй. Цзя Чжу с удовольствием принялся возиться с сестренкой. Девочка лишь недавно научилась говорить и умилительно лепетала что-то неразборчивое, а заметив кузена, радостно замахала ручонками. Поиграв с ней еще немного, он откланялся и покинул покои тетушки.

Теперь его путь лежал в покои Сююя. Сюэлянь, старшая служанка кузена, приподняла перед ним тяжелую портьеру и негромко крикнула вглубь комнаты:

— Старший молодой господин Чжу пожаловал!

Войдя, Цзя Чжу застал кузена в полном беспорядке: на плечи наспех наброшен легкий халат, домашние туфли едва держались на пятках, а в руках был зажат какой-то свиток. Сююй замер посреди комнаты, не сводя с гостя изумленного, сонного взгляда. Цзя Чжу ничуть не смутился и по-хозяйски устроился в деревянном кресле:

— Что, наш великий ученый только соизволил восстать ото сна?

Видя, что Сююй не отвечает и лишь растерянно моргает, Цзя Чжу покачал головой:

— Да что с тобой? Проспал столько времени, а вид такой, будто разум твой все еще блуждает в облаках. Неужто родного Чжу-эра не признаешь?

Сюэлянь, поднося гостю чашку ароматного чая, поспешила объяснить с мягкой улыбкой:

— Наш молодой господин проснулся еще на рассвете, да все лежал в постели с книгой, не желая вставать. Лишь услышав, что прибыли вы, всполошился и велел скорее подавать платье.

Цзя Чжу с любопытством взглянул на зажатый в пальцах кузена свиток и протянул ладонь:

— Ну-ка, что за сокровище ты там прячешь? Дай взглянуть.

«Так я и поверил, что ты, едва выйдя из экзаменационных келий, бросился зубрить мудрецов, — ухмыльнулся он про себя. — Наверняка увлекся какими-нибудь любовными романами».

Сююй наконец стряхнул с себя оцепенение и нехотя протянул книгу. Вспомнив, о чем только что грезил, он покраснел и поспешно отвел взгляд.

Цзя Чжу взглянул на обложку — перед ним лежала «Повесть о встрече с истиной».

«Ну точно, предается праздному чтению!»

Бегло перелистав несколько страниц, он с лукавой усмешкой посмотрел на кузена:

— И как поживает наш добродетельный и скромный «студент Линь»? Что же увлекло тебя настолько, что ты и с постели подняться позабыл? Неужто втайне гредишь о своей прекрасной девице Цуй?

А дело было вот в чем. Накануне, когда Сююй вернулся с экзамена, он сразу отправился засвидетельствовать почтение своему наставнику Шао Инлиню. Тот вручил ему внушительную стопку книг — «Двадцать четыре династийные истории», «Тринадцатикнижие», «Собрание рифм» и прочие почтенные труды. Наставник напутствовал ученика словами о том, что на финальном дворцовом испытании от него потребуют показать всю глубину познаний, а широкое чтение поможет уловить скрытые связи между учениями. Шао Инлинь еще и добродушно пошутил тогда: «Будь на твоём месте Чжу-эр, я бы не стал утруждать его подобной академической глубиной. Тот мальчишка учится лишь ради чинов, старинные фолианты наводят на него тоску, зато всяких вольных книжонок он прочел без счета».

Однако среди сухих научных трудов каким-то образом затесался томик «Повести о встрече с истиной». Сююй, приметив его, тайком унес к себе и погрузился в чтение с головой. Он читал запоем, не мог оторваться ни перед сном, ни едва открыв глаза поутру. Страстные признания книжных влюбленных разбредили юное воображение. В душе Сююя, еще не знавшей настоящей любви, пробудилось томительное чувство. Он принялся гредить о том, как глухой ночью будет шептать клятвы верности своей единственной, той самой нежной красавице. Проснувшись на рассвете, он долго лежал, упиваясь этими сладкими видениями и без конца прокручивая в памяти чувственные строки: «В ночи под луною утки-мандаринки укрыты золотым пологом, весенним ветром павлины согреты у мягкой нефритовой ширмы...» Но стоило ему погрузиться в любовную истому, как служанка за дверью звонко объявила о приходе Цзя Чжу. Сююй в панике вскочил на ноги и поспешил навстречу кузену.

Сквозь тонкую решетку окна струился мягкий утренний свет, ложась золотистой полосой на пол. Цзя Чжу стоял прямо посреди этого сияния — высокий, стройный, с задорной улыбкой. Его лицо, гладкое и бледное, точно изысканный нефрит, дышало юной свежестью; он выглядел весело, а алые губы казались нарисованными кистью мастера. В его облике было столько природного изящества и пленительной живости, что он казался сошедшим со страниц романа идеалом. Сююй оцепенел, не в силах отвести взгляд. Ему почудилось, будто дивный лик со старинного свитка каким-то чудом ожил и сошел в земной мир.

Однако слова Цзя Чжу, поддразнивающего его мечтами о девице Цуй, мигом вернули Сююя к действительности. В его голове родилась шальная мысль. Фыркнув, он обиженно отвернулся и принялся декламировать, так искусно разыгрывая сцену из пьесы, будто сам стоял на подмостках:

— Хм! Я-то дурак полагал: «Любовь коснулась края бровей — и помыслы мои тебе открылись; печаль пустила корни в сердце — и чувства твои я угадал». А на деле что? «Талантливый муж исполнен страсти, да только девица неблагодарна и холодна». Истинно говорят: «Куда лучше

быть вовсе бессердечным, ведь любящий лишь зря терзается чужим безразличием». Вот и приходится мне теперь маяться: «Не уснуть мне, ворочаюсь с боку на бок; испустил я десять тысяч тяжких вздохов да пять тысяч раз в сердцах избил подушку»!

Цзя Чжу на мгновение опешил, не зная, как реагировать на столь напыщенный монолог. Но быстро сообразив, что кузен просто шутливо мстит за поддразнивание, он согнулся пополам от хохота:

— О боги, мой великий талант Линь, пощади! Столько драмы с самого утра! Значит, неблагодарная красавица отвергла твои чувства? Каюсь, каюсь, я виноват! Прекрати изливать эту любовную тоску, у меня сейчас живот лопнет!

Сююй почувствовал себя еще более неловко. Он ведь знал, что мгновение назад действительно невольно примерил на кузена образ прекрасной девы из своих тайных грез. Обнаружить такую глупую мысль было бы верхом позора, а потому он лишь напустил на себя строгий вид и проворчал:

— Хватит хохотать, Чжу-эр. Живот ведь заболит.

Кое-как уняв смех и утирая выступившие на глазах слезы, Цзя Чжу подошел ближе и подружески навалился всем телом на плечо кузена:

— Ладно-ладно, не буду больше дразниться. Но ты все же поберегись, брат Юй. Не ровен час, сболтнешь подобные нежности при дяде Лине или господине Шао. Боюсь, их почтенный гнев тебе очень не понравится!

Сююй лишь согласно буркнул что-то в ответ, мысленно признавая его правоту. Цзя Чжу принялся шутливо подгонять кузена, заставляя его наконец умыться и переодеться. Дождавшись, пока Сююй закончит с утренней трапезой, молодые люди вместе покинули покои и направились к уединенному домику Шао Инлиня, дабы засвидетельствовать почтение наставнику.

<http://bllate.org/book/18221/1758697>